

ЭТНОЛОГИЯ

Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»

2012. № 1 (1). С. 220–233

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 39:314.156(=82)

Межэтнические отношения в современной России в контексте проблем русского народа

В. А. Тураев

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Аннотация. Рассматриваются различные аспекты межэтнических отношений в современной России в контексте проблем русского народа. Анализируются причины дискомфорта состояния русского этноса, меры, способные улучшить этническое самочувствие русских.

Ключевые слова: этническое самосознание, миграционные процессы, мультикультурализм, кризис идентичности, этническая гомогенность, инстинкт государственности.

Введение

Этнологический мониторинг в сорока регионах страны с многоэтническим составом населения, который ведет Институт этнологии и антропологии РАН, свидетельствует, что межэтническая напряженность в стране увеличивается. Причем наибольший дискомфорт испытывают русские, особенно в крупных городах. Напряженность проявляется в бытовых разговорах, в материалах СМИ, в случаях открытого насилия на этнической почве, в использовании ксенофобской терминологии политиками [Тишков, 2011]. Выборы в Госдуму в декабре 2011 г. не обошлись без желания политиков использовать этнический фактор, чтобы получить дополнительные голоса. ЛДПР во главе с В. Ф. Жириновским шла на выборы под провокационным лозунгом «Мы за русских», о геноциде русского народа не уставали твердить коммунисты. Впечатление такое, что многие наши политики живут не в Российской Федерации, где русские составляют четыре пятых населения, а, скажем, в Прибалтике, где по части прав у русского населения действительно есть проблемы.

Фиксируется три типа проявления ксенофобии среди русского населения: абстрактный комплекс обиды – представление о русских как о народе обижаемом, эксплуатируемом; антизападничество – представление о том, что реформы инспирированы «агентами влияния»; этнофобии – представление о том, что в бедах, постигших Россию, повинны инородцы. Первые два типа проявления ксенофобии, думается, не заслуживают серьезного разговора, а вот об этнофобии поговорим.

Особенности этнического самосознания русских

Следует прежде всего сказать, что в мире повсеместно наблюдается всплеск этнического самосознания, а это всегда сопровождается ростом конфликтности. Россия в этом отношении не исключение. Так люди протестуют против унификации культуры, против разрушения традиционного образа жизни, которые несет с собой глобализация.

Есть, разумеется, и чисто российские причины. Состояние межнациональных отношений в РФ и этническое самочувствие самого крупного ее народа – русских – ярко отражают ситуацию, которая всегда возникает, когда распадается крупное многонациональное государство. В этих условиях межэтническая напряженность – своего рода фантомные боли по утраченному государству, причем особенно болезненно переживает распад этнос, составлявший этнический фундамент государства, в данном случае – русские. Контраст между светлым образом СССР, с которым мы привыкли себя отождествлять¹, его геополитической мощью и той исторической ролью, которая выпала на долю современной России, настолько велик, что в состоянии поколебать сознание даже такого стрессоустойчивого народа, как русские. Когда нет оснований гордиться своей политической системой, люди начинают гордиться этнической принадлежностью.

Многим русским кажется, что главным виновником распада являются неблагодарные «инородцы». При этом забывается, что распад Союза произошел вопреки воле нерусских народов. Подавляющая часть народов СССР (казахи, туркмены, узбеки, все народы Северного Кавказа) были противниками его распада. Даже прибалты до 1990 г. добивались лишь экономической самостоятельности. Основным инициатором распада была РСФСР, которой, судя по массовой риторике тех лет, надоело кормить «иждивенцев».

Расплата пришла в 1990-е гг., когда в Россию из бывших союзных республик хлынули русские, в одночасье превратившиеся там из старшего брата в нежелательный этнический элемент. В 1992–2007 гг. из стран СНГ в Россию вернулось около 8 млн чел. Интенсивнее всего русские покидали Закавказье, Среднюю Азию и Казахстан [Суринов, 2010, с. 285]. Исход русских имел место и в российских республиках. Численность русского населения в них сократилась в 1989–2002 гг. более чем на миллион. Миграционная составляющая этой цифры не известна, но, без сомнения, число тех, кого разгул этнонационализма превратил в мигрантов, очень велико. Понятно, что практически у всех вынужденно вернувшихся серьезно травмировано сознание. Свою лепту в сложное морально-психологическое состояние русских вносит и высокий градус русофобии в новых государствах. Взаимодействие этносов всегда происходит по принципу сообщающихся сосудов. Этнонационализм в бывших союзных республиках усиливает этнонационализм в России. Усиление русского национализма приведет (и приводит) к аналогичным процессам среди нерусских народов РФ.

¹ В конце 1980-х гг. почти 70 % опрошенных русских считали своей родиной Советский Союз [Русские. 1992. С. 400].

Причины межэтнической напряженности

Межэтническая напряженность возникает обычно в период радикальных изменений в привычном окружении социума, особенно если общество раньше не сталкивалось с такой проблемой. Одно из таких изменений – массовые миграции. В СССР русские края и области с их достаточно однородным этническим составом имели крайне мало опыта межэтнических отношений. С массовой миграцией своих нерусских соседей они не сталкивались. В худшем случае русская деревня видела бригаду армянских «шабашников», строивших колхозный скотный двор или сельский клуб. Не страдали от избытка мигрантов и российские города кроме, разумеется, Москвы и Ленинграда, но и там недовольство «понаехавшими» не имело под собой этнической почвы. «Лимита», которую так не любили москвичи, это те же русские из соседних областей.

Этническую миграцию в стране сдерживало наличие «национальных кварталов» в виде республик разного статуса и автономных областей. Ускоренное развитие их экономики и культуры создавало благоприятные условия для занятости, сводило к минимуму трудовую этническую миграцию. В то же время единое культурно-языковое и идеологическое пространство создавало благоприятные условия для межэтнической интеграции и аккультурации.

Проблемы миграции тогда больше беспокоили союзные республики. Развитие их экономики требовало привлечения специалистов, которых у себя не было. Кроме того, уровень жизни в республиках был выше, чем в русских регионах, что способствовало росту бытовой миграции. Приток русскоязычных мигрантов создавал поле напряженности, доля коренных жителей в общей численности населения снижалась. В Латвии и Эстонии отчетливо просматривалась тенденция превращения латышей и эстонцев в меньшинство¹. Кому доводилось бывать в те годы в Прибалтике, не могли не заметить этого напряжения. Теперь с этой проблемой столкнулись мы и, как оказалось, наша реакция на нее ничем не лучше прибалтийской.

Миграционные процессы размывают культурную однородность принимающего общества, а культурные (религиозные) различия практически везде являются источником напряженности. В этом смысле нерегулируемая миграция – серьезная головная боль, причем не только в РФ. Есть ощущение, что она станет своеобразной апельсиновой коркой, на которой поскользнется не одно европейское государство. Если XX в. стал свидетелем массового разочарования в идеологии интернационализма, то XXI в., судя по всему, предстоит пережить не менее глубокое разочарование в либеральной идеологии мультикультурализма. Как показывают исследования, от 55 до 60 % граждан Европейского союза считают, что мультикультурное общество достигло своих пределов. В Англии 32 % британцев убеждены, что оно «угрожает британскому образу жизни». В Голландии в 2010 г. только 19 % граждан поддерживали мультикуль-

¹ В 1959–1989 гг. доля латышей в своей республике сократилась с 62 до 52 %, эстонцев соответственно с 74 до 61 % [Национальный состав... 1991. С. 16, 19].

турную модель интеграции. По мнению канцлера Германии А. Меркель, такая модель «полностью провалилась» [Вайнштейн, 2011. С. 10–11].

Подобная реакция на идеологию мультикультурализма не случайна. При всех ее достоинствах ей свойственны и недостатки. Главный из них состоит в том, что мультикультурализм, как он понимается в Западной Европе (сохранение иммигрантами своей культуры, а не интеграция в принимающее общество), консервирует культурную сложность общества, усиливает замкнутость культур, создает своего рода этнические гетто, узаконивает разные системы ценностей, которые нередко приходят к противостоянию.

Безусловно, межэтническая напряженность во многом подогревается нерегулируемой миграцией, однако истинная причина все-таки в другом. Современное российское общество переживает невиданный ранее бум иностранных влияний и заимствований. Под воздействием глобализации меняются язык (значительная часть наших граждан не понимает языка современных СМИ, новой политической терминологии), культурно-ценностные ориентации, система образования, образ жизни, разрушается иллюзия однородности общества, насаждается новое «великое учение», в качестве которого выступает западный либерализм. Общество болезненно реагирует на распространение антигуманной «контркультуры», низкопробной индустрии развлечений. Все эти издержки глобализации к мигрантам никакого отношения не имеют, но именно мигранты невольно выступают в роли «козлов отпущения».

Еще одна причина негативной динамики в межэтнических отношениях – демократизация жизни общества. В демократичном обществе не принято запрещать увлечение националистической идеологией, если это не грозит безопасности государства. Рост межэтнической напряженности в таком обществе – своеобразная плата за открытость. Нужно учиться жить в обществе, где могут исповедоваться самые крайние взгляды. Важно лишь, чтобы увлечение идеями не превращалось в увлечение практикой. В России по этой части большие проблемы. Как писал русский писатель-эмигрант В. Н. Иванов, «искание правды у нас всегда сводилось к потрясению тронов» [1991, с. 6]. Нельзя сбрасывать со счетов и такую особенность современной жизни, как информационная доступность. Это не 1968 г., когда протестовать против ввода советских войск в Чехословакию на Красную площадь вышло семь единомышленников. Сегодня с помощью Интернета за несколько часов можно собрать толпу в несколько десятков тысяч человек, а всякая толпа живет по своим законам.

На состояние межэтнических отношений, безусловно, влияет экономическая ситуация. У этнической нетерпимости есть социальные корни. Легитимность социальной стратификации (справедливость социального расслоения) всегда была залогом стабильности и устойчивости общества. Такой стабильности сегодня нет. Особенности российской приватизации привели к катастрофическому росту социального неравенства. Собственность уже несколько раз сменила своих хозяев, в том числе в результате насилия. При этом новыми собственниками становятся нередко представители других эт-

нических групп. Происходит это как в крупных городах, так и в сельской местности. Коренные народы на Дальнем Востоке, например, в состоянии вести свое хозяйство самостоятельно лишь до тех пор, пока оно не начинает приносить прибыль. После этого оно сразу же переходит в руки приезжих. Вряд ли это служит миру и согласию.

Как показывают опросы социологов, наиболее негативное отношение у русских вызывают выходцы с Кавказа. Негативный стереотип («лица кавказской национальности») возник уже в 1990-е гг. И дело здесь не только в отголосках чеченских войн. Выходцы с Кавказа оказались более активными в плане предпринимательства, что вызывает со стороны части населения зависть и недоброжелательство. У человека всегда есть соблазн объяснить свои неудачи чьими-нибудь происками. Еще совсем недавно у нас во всем виноваты были евреи, теперь кавказцы.

Многих наших граждан, кроме того, раздражает манифестное поведение кавказской молодежи. У себя дома, где существует контроль со стороны семьи, религиозных авторитетов, они ведут себя более корректно. При переезде появляется ощущение вольности. В этом смысле их поведение ничем не отличается от поведения части русских в Куршевеле. К тому же, характер российской власти таков, что ее можно купить – были бы деньги. Если бы со стороны российской власти был жесткий контроль, они и вели бы себя по-другому.

Этническая нетерпимость обратно пропорциональна культурному и интеллектуальному развитию общества. Чем ниже интеллект общества, тем выше этническая нетерпимость. Основной движущей силой черносотенного движения в России в начале XX в. была отнюдь не интеллигенция, хотя руководили этим движением как раз видные русские интеллектуалы. За минувшие двадцать лет в стране произошло подлинное одичание, культурная деградация особенно захватила молодежь. По данным опроса, проведенного ВЦИОМ среди россиян, треть опрошенных считает, что Солнце вращается вокруг Земли [Солнце – спутник Земли ..., 2011]. Немалая часть школьников считает, что Ленин это первый космонавт и потому лежит в мавзолее, другие убеждены, что Ленин – олигарх и место в мавзолее купил еще при жизни.

Преподаватели в вузах давно твердят о том, что каждое новое поколение абитуриентов невежественнее предыдущего. Низкий интеллектуальный уровень в сочетании с молодежным радикализмом и социальной неустроенностью молодых образуют гремучую смесь, которая в определенных ситуациях приводит к погромам. Проблема одичания в еще большей степени характерна для молодежи в бывших союзных республиках. Низкий культурный уровень мигрантов, слабое знание русского языка, неумение вести себя в другой культурной среде – важные причины неприязни к ним местного населения. С низким культурным уровнем наших бывших соотечественников тесно связан и всплеск миграции из стран СНГ. Проведенное еще в СССР сопоставление миграционной подвижности с уровнем образования, выявило странную зависимость: чем ниже уровень образования мигрантов, тем интенсивнее миграция.

Русские и россияне

Усиление этнической составляющей в самосознании русских во многом связано с неразвитостью гражданской идентичности, потерей инстинкта государственности, что, в свою очередь, во многом обусловлено острым идейным кризисом после развала СССР. Как показывают результаты исследований группы Циркон, лишь 42 % респондентов, опрошенных весной 2011 г. в четырех регионах РФ (Ивановская область, Краснодарский и Пермский края, Республика Татарстан), ощущают себя гражданами РФ [Состояние и перспективы ..., 2011, с. 43]. По справедливому замечанию М. Г. Делягина, для россиян сейчас характерны два вида идентичности: советская и антисоветская. Старшее поколение русских продолжает считать себя советскими гражданами. Молодые никак не могут определиться с вопросом кто они – русские или россияне. Кризис идентичности (утрата исторически сложившихся представлений о себе) всегда воспринимается болезненно, а ведь многие наши соотечественники переживают сразу несколько таких кризисов. Вместе с гражданской утерянны и другие виды идентичности – профессиональная, политическая, коллективистская¹, культурная. Утрата инстинкта государственности отчетливо проявляется в росте разных видов территориальной идентичности. На базе русского населения идет процесс формирования территориального патриотизма (культ Югры) в Ханты-Мансийском автономном округе [Ерохина, 2007, с. 38], многие наши граждане все чаще начинают ощущать себя в большей степени сибиряками, поморами, дальневосточниками и т. п.

Среди многообразия идентичностей гражданской идентичности принадлежит особая роль. Она призвана сглаживать радикальные проявления других форм идентичностей – этнической, религиозной, территориальной. Без нее невозможно гражданское общество. Надэтническая гражданская общность создавалась в России на протяжении нескольких столетий, но до сих пор не сформирована, главным образом потому, что на разных исторических этапах ее пытались формировать заново и на новых основаниях. До 1917 г. ее формировали на базе православия. Достаточно было считаться православным, чтобы не испытывать особых проблем (для евреев-иудаистов существовала черта оседлости, принявшие православие евреи могли жить где угодно). Кризис самого православия и как следствие государства, его исповедующего, прервал этот процесс. Новая надэтническая общность – советский народ, активно пропагандируемая в СССР, по сути, тот же «православный проект», но с другой идеологической начинкой. Была в этом проекте и еще одна особенность, которая во многом затрудняла его осуществление. Теория сближения и слияния социалистических наций (этнических сообществ) предполагала в конечном счете полное их отмирание. К такой перспективе народы СССР были не готовы, тем более что идея не просто провозглашалась, но и активно

¹ Результаты Европейского исследования 2006–2007 гг. показали, что у россиян самые низкие показатели ценности коллективизма, местоимение «мы» в современной России явно неактуально [Магун, Руднев, 2010. С. 21].

осуществлялась на практике (гонения на религию как институт национальной культуры, русификаторские тенденции в области языка, депортации народов, государственный антисемитизм и т. п.). Сегодня на тему «новой исторической общности» можно услышать много скептических суждений. Тем не менее, факт остается фактом: процесс формирования советского народа шел. В дни обсуждения новой советской конституции (1977 г.) автор имел возможность знакомиться с почтой Приморского телевидения и радио. Поражало обилие писем с предложением ввести новую «национальность» – советский.

Созданию гражданской нации способствовали культурная интеграция страны на базе русского языка и последовательная, энергичная модернизация культурной среды в республиках. Создание новой культуры – «национальной по форме и социалистической по содержанию» – предполагало выращивание национальных гениев. Сегодня, конечно, можно вспомнить о них немало анекдотов, но трудно не согласиться с Д. Л. Быковым, который пишет по этому поводу: «Национальные гении, созданные при прямом содействии центра и во многом его руками, были лучшими эмиссарами России, защищая свои почести, они способствовали межнациональной дружбе, а это лучше, чем способствовать возрождению, допустим, шариата. Гамзат Цадаса был в юности шариатским судьей, а умер народным поэтом Дагестана, и, как хотите, – это путь к модернизации, а не к архаике... Народу необходима легенда о своем гении – и лучше создать такого гения, чем поощрять средневековье и воспевать местное байство» [Быков, 2011].

Кризис коммунистической идеологии и государства, ее исповедующего, прервали и этот процесс. Отсутствие общегражданской нации и стало одной из главных причин распада и Российской империи и СССР. Сегодня потребность в надэтнической общности – российской нации – признают все. В современном глобализующемся мире национальная (государственная) принадлежность важнее этнической. Спорят о другом: как называть носителей такой идентичности – русские или россияне. Настороженное отношение к понятию «россияне» в наибольшей степени характерно для русских. Массовое сознание воспринимает его как отказ от этнической принадлежности, хотя на самом деле это не так. Для других народов нашей страны оно более приемлемо, поскольку можно быть россиянином и в то же время татариним или якутом, а вот быть русским и одновременно татариним или якутом сложнее. Россия не является национальным государством только русских, она – государство всех российских народов, столетиями живущих на своих исконных землях. Поэтому этническая идентичность русских не может быть государственной идентичностью, а попытка строить в РФ национальное государство русских может лишь взорвать общество. Российское государство всегда было и остается надэтническим, следовательно, и гражданская нация в ней возможна лишь как сообщество всех народов, живущих на ее территории. Формирование такой нации сдерживается тем, что в стране по существу идет процесс формирования нескольких гражданских идентичностей, привязанных к национально-государственному устройству. В Казани жителям республики внушают, что они татарстанцы, в Якутске говорят: вы якутяне. Согласитесь, быть патриотом двух государственных сообществ крайне затруднительно.

Историческая миссия русского народа

Существует три проекта будущего России. Первый из них отражает взгляд крайних националистов и выражается известной формулой «Россия для русских». Социологи определяют численность его сторонников в 10–15 %, но эту идею исповедует значительная часть молодежи. В возрастной группе до 25 лет доля ее сторонников достигает 25 %.

Проект носителей нерадикальных форм массового сознания выражается лозунгом «Россия – многонациональная страна, но русские как этническое большинство должны иметь больше прав». Доля сторонников такой идеи выросла в 1998–2007 гг. с 20 до 31 %.

Сторонники третьего проекта (48 %) видят Россию общим домом многих народов, которые должны обладать равными правами и не иметь никаких преимуществ. Иногда сторонников такой позиции называют интернационалистами. Точнее это сторонники межэтнического взаимодействия по модели культурного плюрализма. Число тех, кто поддерживает такой проект, к сожалению, снижается. Десять лет назад их было 64 % [В России возросло число ..., 2011].

Какому из этих проектов в наибольшей степени соответствуют современные русские? Совершенно очевидно, что первый проект подразумевает строительство государства на основе «голоса крови». Но здесь сразу возникает вопрос – кого считать русским?

Как показывают исследования Л. Л. Рыбаковского и его коллег из Института социально-политических исследований РАН, в России происходит неуклонное сокращение этнической гомогенности (однородности) как русского, так и нерусского населения. Мы все уже давно перемешаны друг с другом. Ведь не на пустом месте родилась поговорка: «поскреби любого русского и ты найдешь там татарина». По итогам жизни трех последних поколений этнически гомогенными могут себя считать лишь 60 % русских и 40 % нерусских. К концу XXI в. «чистые» русские будут составлять уже менее половины общей численности русского этноса. У нерусских народов этот процесс еще интенсивнее: треть их уже имеет русские корни.

Главным каналом размывания этнической гомогенности являются межэтнические браки. При этом участие русских в формировании нерусской части населения страны за счет смешанных браков постоянно усиливается. Если у старших возрастов нерусских респондентов доля русских родителей составляет 22 %, то в молодежной группе – 41 %. В этнически смешанных семьях рождается каждый десятый русский и каждый третий нерусский. В наибольшей степени гетерогенность русских формируют пока их браки со славянами. У каждого третьего русского один из родителей был украинцем или белорусом, у каждого десятого – представители тюрков или народов Европы [Рыбаковский, Сигарева, Харланова, 2011, с. 86–93]. Характер этногенетических процессов, идущих в РФ, свидетельствует, что в России идет процесс формирования российского суперэтноса – этнической системы, возникающей обычно в полиэтнических государствах на базе культурно-исторического единства входящих в него этносов. А значит, есть основания утверждать, что историческая миссия русского народа состоит в том, чтобы

растворить в себе этническое многообразие евразийского пространства, но и самому раствориться в этом многообразии.

Так обстоит дело с генетической составляющей русскости. Культурная составляющая не лучше. Традиционная культура, бывшая некогда ярким этнодифференцирующим признаком русских, была утрачена уже в советские годы. Ее разрушили миграционные процессы и урбанизация. 80 % русских в настоящее время живет в городах, которые для воспроизводства традиции мало приспособлены. Утрата отличительных признаков болезненно переживается обществом, отсюда мода на конструирование традиции, которая, по словам известного французского исследователя П. Нора, представляет собой не что иное как «воображаемое прошлое». Мода охватывает самые разные сферы. Воображаемым прошлым является русское православие. Православными считает себя более 80 % русских респондентов, хотя верующих не более 10–15 % [Ситников, 2011, с. 141]. Православие выполняет в данном случае функцию этничности. В нем ищут опору для сохранения самобытности и этнической идентичности, поскольку другой опоры нет.

Своеобразной формой конструирования традиции можно рассматривать и любимое занятие нашей политической элиты – поиск особого русского пути, да и русский радикальный национализм, о котором сегодня говорят с большой тревогой, это все такое же воображаемое прошлое. По своей сути это протестные настроения против действительности, облеченные в форму традиции. Должен сказать, что и здесь мы не оригинальны. Исламский фундаментализм – точно такая же форма реакции на ту сложную действительность, которую переживает исламский мир.

События на Манежной площади побудили президента РФ обратить внимание на положение дел в межэтнических отношениях. На встрече с руководством Государственной Думы в январе 2011 г. Д. А. Медведев говорил о необходимости пересмотреть отношение к русскому народу. Судьбой русского народа озаботилась Государственная Дума. Трудно сказать, в чем будет выражаться этот пересмотр. Хочется надеяться, что власти хватит ума не надеяться русских какими-то особыми правами, что может привести лишь к новым осложнениям. Подобные ситуации уже случались в новейшей истории.

Осенью 1986 г. Сербская академия наук разработала документ «Положение Сербии и сербского народа», суть которого сводилась к тому, что интересы сербов в Югославии ущемлены. В сербской прессе по поводу этого документа справедливо утверждалось, что реализация идей, содержащихся в документе, приведет к «братоубийственной войне». Предостережение, однако, не было услышано. Идеи сербского национализма, принятые руководством Сербии в качестве идеологической базы, привели в конечном счете к распаду Югославии, кровавым войнам в Хорватии, Боснии и Косово.

Наивно думать, что сербский урок не про нас. Первые «звоночки» на этот счет уже звучат. Некто Марценюк подал в суд на Институт этнологии и антропологии РАН за то, что тот якобы пропагандирует русский народ и тем самым унижает другие народы. Речь идет о совместном проекте Всероссийского радио и Института этнологии и антропологии РАН «Русские XXI века».

Отвечая на вопрос «Что значит быть русским в XXI веке?», слушатели, по мнению истца, слишком хорошо говорят о русских, а это оскорбляет нерусских. Можно, конечно, не придавать значения словам каждого сумасшедшего. Нельзя, однако, не понимать, что националистическая идея обладает высоким мобилизационным потенциалом. Овладев массами, она превращается в серьезную политическую силу, ведет к переделу богатства и власти. Примеров на этот счет из нашей жизни тоже предостаточно.

Летом 1992 г. в разгар националистического утара я проводил полевые исследования в Якутии. Почти неделя ушла на хождение по кабинетам исполнительной и законодательной власти республики. И за все это время ни в правительстве, ни в Верховном Совете я не встретил ни одного славянского лица, хотя за два года до этого их было предостаточно. Да и само мое пребывание в Якутске явно не радовало якутских чиновников. Вслух ничего не говорилось, но выражение лиц было вполне определенным: нечего Вам здесь делать, с «нашими» эвенками и эвенками мы сами разберемся.

Я не знаю, сколько якутов в тот смутный период разделяли националистические устремления своей политической элиты. Одно знаю точно: русский национализм не менее отвратителен, чем антирусский. Не могут не пугать социологические данные на этот счет. Осенью 2011 г. Институт социологии РАН провел исследование «20 лет реформ глазами россиян». Зафиксирован высокий уровень готовности респондентов к насилию по этническому признаку. В частности, 40 % этнических русских заявили, что они одобрили бы насильственное выселение представителей других национальностей из своего населенного пункта [О стремительном и пугающем ..., 2011].

Русский национализм к тому же и более опасен, поскольку ставит под угрозу существование страны. Опасным, в частности, представляется утверждение, становящееся все более популярным в последние годы, что именно русские являются в России государствообразующим этносом. Такое утверждение, возможно, верно с фискальной точки зрения. Львиную долю налогов на содержание государства всегда платило русское население. Определяющей была роль русского народа и в защите государства от всевозможных захватчиков. Что же касается других аспектов жизни государства, то здесь роль этнических русских уже не столь существенна. У истоков древнерусского государства, как известно, стояли варяжские князья. Государственный аппарат Киевской Руси первые десятилетия целиком состоял из норманнов. Христианство и письменность на Русь принесли греки. Со времен Петра в правящем классе России доля шотландцев, французов, голландцев, итальянцев, грузин, поляков, литовцев, татар и немцев намного превосходила их долю в составе населения России. В конце XIX в. более половины двух первых купеческих гильдий составляли евреи, хотя их доля в населении страны была всего 3 %. Из двенадцати министров финансов России в XIX в. пятеро наиболее успешных были немцами. Весьма сомнительна этническая чистота почти всех русских царей и основателя советского государства В. И. Ленина. Евреи, латыши, поляки, народы Кавказа были широко представлены в руководстве СССР. Был период, когда русские там вообще были в меньшинстве.

Любое государство – продукт взаимодействия всего населения, живущего на его территории. Подчеркивать государствообразующую роль русских в полиэтнической стране нужно очень осторожно. **Лучше вообще** не использовать такую характеристику. К чему приводят вольные интерпретации, мы уже знаем. Дискуссия второй половины 1980-х гг. на тему «кто кого кормит» привела к развалу СССР. Тем, кто не может отказаться от ласкающего слух термина хочется адресовать слова покойного В. С. Черномырдина – «чешите в другом месте». Русские в современной России, выступая в качестве этнического ядра, оказывают решающее влияние на политическую жизнь страны (их голосами избираются Президент, Федеральное Собрание), являясь системообразующим элементом российского социума. В этом смысле Россия всегда была и будет русским государством по умолчанию, для этого не обязательно наделять русских особым статусом.

Что делать?

Все вышесказанное не означает, что отношение государства к русскому народу, его культуре, русскому языку не должно измениться. В рамках настоящей статьи остановимся лишь на аспектах, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой теме.

1. Государство должно повернуться лицом к умирающему русскому селу – хранителю русскости. То, что там происходит сегодня (разрушение экономики и социальной сферы, безработица и как следствие массовое пьянство, наркомания, демографические проблемы), действительно похоже на этноцид. Трагедию русского села хорошо понимала уже советская власть, но попытки исправить ситуацию слишком запоздали. Программа развития Нечерноземья стала осуществляться, когда там уже практически не осталось трудоспособного населения. Рыночные реформы 90-х гг. добились села окончательно. По переписи 2002 г. в РФ почти 14 тыс. сельских поселений без жителей, половина из них в Центральном федеральном округе – колыбели русского народа [Суринов, 2010, с. 282]. На Дальнем Востоке ситуация похожая. В Хабаровском крае между переписями населения 1989 и 2002 гг. исчезло 158 сельских поселений, на 28 % сократилась численность сельских жителей – главных носителей традиций русской культуры [Россия..., 2008, с. 88].

2. Необходимо возродить у российских граждан инстинкт государственности, для этого надо прекратить поливать государство грязью. Посыпание головы пеплом, самобичевание по поводу и без повода стало у нас любимым занятием. Можно и нужно критиковать власть, но власть и государство совсем не одно и то же. Критическое отношение к власти, исторически присущее русской интеллигенции, не следует распространять на государство.

3. Надо медленно, очень осторожно, но последовательно двигаться по пути совершенствования национально-государственного устройства РФ. Речь идет не о ликвидации федеративного устройства. Федерализм с этнотерриториальными автономиями существует во многих странах и действует вполне успешно. Освободиться следует от этнонационализма, остатков эпохи «парада суверенитетов», от огосударствления этничности, от этнических форм

солидарности, которые мешают свободной социальной конкуренции людей, их профессиональному продвижению.

4. Следует сменить тональность при освещении миграции. Большинство материалов на эту тему в средствах массовой информации – запугивание, ничем не обоснованные страхи и риски. Если посмотреть на ситуацию спокойными глазами, вы увидите, что никакого «растворения в миграционном потоке» россиянам не грозит. Как уже говорилось выше, растворение действительно происходит, но растворяются в русских нерусские народы. Дети смешанных браков с русскими в большинстве своем выбирают русскую национальность и становятся русскими по культуре и самосознанию.

Надо отдавать себе отчет, что пополнение населения иммигрантами как в целом по России, так и в большинстве ее регионов жизненно необходимо. Актуальность этой проблемы в ближайшие годы будет возрастать: в детородный возраст вступают поколения начала 1990-х гг., численность которых очень невелика. Приоритет при этом должен отдаваться нашим бывшим соотечественникам, у которых еще жива память о совместной жизни в едином государстве, которые по большей части еще не разучились говорить по-русски.

Разумеется, и в этом случае нужна действенная программа интеграции мигрантов в принимающее общество. Здесь должны работать два параллельных процесса: ограничение миграции таким количеством, которое принимающая сторона (регион) в состоянии переварить и осуществление программы ускоренной адаптации мигрантов к условиям и ценностям принимающего общества. Программа должна предусматривать обучение языку и профессии, повышение образовательного уровня через систему вечерней школы, приобщение к культуре коренного населения, решение социально-бытовых условий мигрантов и т. п. В конечном счете социально-бытовая неустроенность мигрантов, нищенская заработная плата и откровенный беспредел в этой сфере и создают в среде мигрантов социальную напряженность, способствуют росту административных правонарушений и преступлений, чего и боится русское население.

Говоря о регулировании численности мигрантов, возможных квотах миграции, следует ориентироваться на безопасный порог мигрантов, он обычно определяется цифрой 12 % от численности населения региона. Судя по тем цифрам, которыми я располагаю, и в целом Российской Федерации и большинству ее регионов до этого рубежа далеко. В Приморском крае, например, квота иностранной рабочей силы, установленная на 2011 г., составляет всего 35 тыс. Это меньше 2 %. Нелегальная миграция, безусловно, вносит в эти цифры определенные коррективы, но они не существенны.

Надо шире показывать позитивные моменты миграции, ее вклад в развитие страны и регионов. Необходим ликбез по межкультурному взаимодействию. В рамках такого ликбеза полезно было бы создать серию книг по истории этнических групп в Сибири и на Дальнем Востоке, их роли в развитии его экономики и культуры. Многое в этом отношении могли бы сделать средства массовой информации. К сожалению, основной смысл работы нашего телевидения и радио состоит в другом: как можно более ярко показать негативные стороны этнической миграции. Во всяком случае, я не помню ни одного положительного сюжета на эту тему.

Негативное восприятие проблем этнической миграции у нас во многом подогревается проблемами, с которыми столкнулись в последнее время европейские страны. Политике многокультурности в Западной Европе действительно присущи определенные недостатки. О некоторых из них уже говорилось. Нельзя, однако, забывать, что при всех своих недостатках мультикультурализм это лучшее, что есть сегодня в арсенале мирового опыта взаимодействия этнических сообществ. В этом смысле его можно сравнить с демократией, о которой Уинстон Черчилль говорил: демократия – ужасная политическая система, однако, ничего лучше человечество не придумало. Несмотря на громкие заявления некоторых европейских политиков, что мультикультурализм потерпел крах, Европа от него не откажется. Ответы на возникшие проблемы будут найдены. Вряд ли и нам следует шарахаться из стороны в сторону. К тому же нельзя забывать, что в Российской Федерации, где сожительство людей разных национальностей насчитывает уже не одну сотню лет, мультикультурализму противостоит и будет противостоять более привычная для наших бывших соотечественников модель «плавильного котла». И далеко не факт, что в противостоянии двух этих моделей победит западноевропейский мультикультурализм.

5. В одной из передач «Суд времени» С. Е. Кургинян говорил о том, что в советской истории было что-то безумно важное для человечества, что не успело состояться и что до сих пор не потеряло актуальность. Я, кажется, знаю, что он имел в виду. Советская власть умела ставить великие цели. Ничто так не сплачивает народ, как великая цель, ну, может быть, еще справедливая война. А что предлагает нам нынешняя власть? Быть как все. Не думаю, что такая перспектива может стать для русского человека источником вдохновения. Как тут не вспомнишь любимую поговорку русского человека: «полюбить – так королеву, воровать – так миллион».

6. Жестко и бескомпромиссно (как это делают в Прибалтике) проводить языково-образовательную политику в стране. Русский язык – обруч, удерживающий страну в единстве. Он должен составлять фундамент образовательной политики государства. Другая составляющая этого фундамента – отечественная история, как важнейшая составляющая гражданской идентичности. Не ее региональный компонент, а именно история государства. Подлинная этническая интеграция возможна только через систему общего знания российской истории и культуры. Историю и русский язык нельзя отдавать на откуп местным властям.

Список литературы

Быков Д. Даешь Гомера / Д. Быков // Известия. – 2011. – 28 фев.

Вайнштейн Г. Идентичность инокультурных меньшинств и будущее европейской политики / Г. Вайнштейн // Международная экономика и международные отношения. – 2011. – № 4. – С. 3–15.

В России возросло число сторонников идеи «Россия для русских» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.newsru.com/russia/21dec2006/russlanp.html> (дата обращения 07.07.2011).

Ерохина Е. А. Этничность и гражданская идентичность в региональных межэтнических сообществах Севера Сибири / Е. А. Ерохина // Этническая идентичность и конфликт идентичностей. – Владивосток : Дальнаука, 2007. – С. 21–42.

Иванов Вс. Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель / Вс. Н. Иванов. – М. : Советский писатель, 1991. – 384 с.

Магун В., Базовые ценности россиян в европейском контексте / В. Магун, М. Руднев // Общественные науки и современность. – 2010. – № 3–4. – С. 5–22.

Национальный состав населения СССР: по данным всесоюзной переписи 1989 г. – М. : Финансы и статистика, 1991. – 160 с.

О стремительном и пугающем развитии русского этнического самосознания [Электронный ресурс]. – URL: <http://ratibor59.livejournal.com/1867896.html> (дата обращения 29.09.2011).

Россия 2002–2005: соц.-демогр. ситуация : XII аналит. доклад / Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН. – М. : Наука, 2008. – 311 с.

Россия для русских – или для всех? [Электронный ресурс]. – URL: http://mediacratia.ru/owa/mc/mc_project_news.html?a_id=13371 (дата обращения 07.07.2011).

Русские. Этносоциологические очерки. – М. : Наука, 1992. – 461 с.

Рыбаковский Л. Л. Этнический фундамент населения России / Л. Л. Рыбаковский, Е. П. Сигарева, Н. Н. Харланова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/04-2001/013Rybakovskij.pdf> (дата обращения 11.11.2011).

Ситников А. Религия и власть в меняющейся России // Свободная мысль. – 2011. – № 2. – С. 135–144.

«Солнце – спутник Земли», или рейтинг научных заблуждений россиян [Электронный ресурс]. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111345> (дата обращения 10.10.2011).

Состояние и перспективы развития российского федерализма в массовом сознании и экспертных оценках : итоговый аналитический доклад [Электронный ресурс]. – 2011. – URL: http://www.gfproject.ru/info/show_34/ (дата обращения 21.09.2011).

Суринов А. Е. Сто лет спустя // Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. – М. : Изд-во РАГС, 2010. – С. 273–302.

Тишков В. А. Дружба с народом / В. А. Тишков // Известия. – 2011. – 9 фев.

Interethnic Relations in Contemporary Russia in the Context of Problems Among Russian People

V. A. Turaev

Abstract. This article discusses various aspects of inter-ethnic relations in contemporary Russia in the context of problems faced by ethnic Russians. Causes of the discomfort to the Russian people and potential arrangements that can improve ethnic self-perception are analyzed.

Key words: ethnic identity, migration, multiculturalism, identity crisis, ethnic homogeneity, the instinct of statehood.

Тураев Вадим Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, v_turaev@mail.ru

Turaev Vadim Anatolyevich – Ph. D. in History, Senior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, 89, str. Pushkinskaya, Vladivostok, Russia, 690001, v_turaev@mail.ru